

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

УДК 94(72)

doi 10.17072/2219-3111-2026-2-35-44

EDN: ESXNUM

ASJC 1202

ГРНТИ 03.91

Ссылка для цитирования: Туренко К. А. Республиканская идеология Мексиканского государства в первой трети XIX века // Вестник Пермского университета. История. 2026. № 2(73). С. 35–44. DOI: 10.17072/2219-3111-2026-2-35-44. EDN: ESXNUM

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ МЕКСИКАНСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

К. А. Туренко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4

ka.saakova@hse.ru

SPIN-код: 5083-0786

Республиканская идеология в Мексике первой трети XIX в. является важным и малоизученным аспектом формирования национальной идентичности и политической культуры в постколониальный период. Настоящее исследование основано на методологии Кембриджской школы интеллектуальной истории и рассматривает республиканизм не как заимствованную из европейской традиции политическую доктрину, а как динамическую дискурсивную практику, сформировавшуюся в условиях мексиканской войны за независимость (1810–1824). Цель статьи заключается в реконструкции становления и трансформации республиканской идеологии мексиканских революционеров в период государственного строительства. В качестве источников используются документы личного происхождения, периодическая печать, политические и конституционные документы, связанные с деятельностью ключевых идеологов движения за независимость. Показано, что мексиканский республиканизм объединял идеи социального равенства, народного суверенитета, разделения властей, представительного правления, католических ценностей и гражданской добродетели. Особое внимание уделяется изменению значения понятия республики: от колониального представления о локальных корпоративных сообществах к концепции единой политической нации, основанной на гражданском равенстве. Мексиканские революционеры не только адаптировали существующие политические концепции, но и сформировали собственный республиканский язык, в котором идеи независимости, свободы и народного участия сочетались с местными историческими традициями, католическим мировоззрением и особенностями социального устройства Мексики. Проведенный анализ позволяет по-новому оценить роль республиканской идеологии в процессе формирования мексиканской государственности и выявить особенности политической модернизации в странах Латинской Америки.

Ключевые слова: Мексика, война за независимость, республиканизм, народный суверенитет, социальное равенство, гражданская добродетель.

Введение

Мексиканский республиканизм отсчитывает свою историю с войны за независимость в Испанской Америке первой трети XIX в. Процесс освобождения Новой Испании¹, как и других вице-королевств Испанской Америки, начался с имперского кризиса в мае 1808 г.: на юго-западе Франции, в городе Байонне, королевская семья отреклась от престола в пользу Наполеона Бонапарта, который передал власть своему брату Жозефу. Несмотря на поддержку королевской семьи, восторжествовала доктрина народного суверенитета, согласно которой суверенитет возвращается народу [Stoetzer, 1979, p. 190]. В сентябре 1810 г. лидером революционного дви-

жения в Новой Испании стал священник Мигель Идальго (1753–1811). Уже на первом этапе борьбы (1810–1814), которая поначалу была направлена на освобождение от французского господства, революционеры составили текст первой республиканской конституции. После поражения Наполеона и реставрации испанской власти на континенте новый импульс движению придал бывший роялист Агустин де Итурбиде (1783–1824). Период его правления сопровождался дискуссиями о будущем Мексики, ее государственном устройстве и форме правления, но установление единоличной власти Итурбиде привело к росту недовольства среди революционеров. После его отстранения от власти в марте 1823 г. Мексика официально стала независимым национальным государством, конституционно установившим федеративную республику.

Актуальность темы республиканской идеологии в Мексике связана с тем, что именно в этот период закладывались основы политической культуры и государственного устройства страны. Республиканизм выступал не только как выражение стремления к свободе и самоуправлению, но и как средство преодоления колониального наследия и создания нового общественного порядка. Анализ его становления и эволюции позволяет глубже понять процессы политической модернизации Мексики и специфику латиноамериканского контекста.

Историография мексиканского республиканизма первой трети XIX в. развивается по нескольким ключевым направлениям. Такие исследователи, как Мануэль Чуст и Ивана Фраскет, анализируют идеологические истоки республиканизма, прослеживая влияние испанского либерализма (в частности, Кадисские кортесы), античного наследия и просветительской мысли [Chust, Frasset, 2008; Либерализм и консерватизм..., 2018]. Особый интерес представляет труд Рафаэля Рохаса и Хосе Антонио Агилара, в котором авторы отстаивают точку зрения о первичности республиканской традиции, не являющейся частью либеральной доктрины [Aguilar, Rojas, 2002]. Значительное внимание уделяется политической истории и конфликтам, сопровождавшим переход от монархии к республике [Van Young, 2022; Tutino, 2009]. Карлос Штетцер и Густаво Сантьян Сальгадо подчеркивают роль католического республиканизма, объединявшего гражданскую добродетель с христианскими ценностями, распространенными в публичной риторике и общественной жизни [Stoetzer, 1979; Santillán Salgado, 2024]. В исследовательской литературе не до конца изучены вопросы о том, что именно означал республиканизм для революционеров, как он развивался в течение войны за независимость, были ли различия в трактовках креолов² и представителей коренных народов, поэтому *цель* данной статьи – реконструировать, как мексиканские революционеры понимали и трансформировали идею республики в своих текстах. Основными источниками стали документы личного происхождения, периодическая печать, программные и конституционные документы (Davis, 1987; Documentos constitucionales..., 2009; Mier, 1978; Correo Americano del Sur, 1813, etc.).

Для исследования республиканской идеологии в статье используются методы Кембриджской школы интеллектуальной истории, в частности Джона Покока (1924–2023). Методологический подход Покока сосредоточен на анализе политических языков или дискурсов, т.е. на изучении нарративов/парадигм³, используемых историческими авторами. Покок, следуя логике Фердинанда де Соссюра (1857–1913), отмечал, что авторы принадлежат к определенным сообществам с принятыми языковыми конвенциями (*langue*), которые определяют условия для высказываний (*parole*). Высказывания авторов анализируются на предмет того, насколько они подкрепляли или изменяли функционирующие дискурсы [Поккок, 2020]. Изучение дискурсов в период мексиканского национального становления позволяет представить революционеров как языковое сообщество, а их разделение на креолов, метисов, индейцев и чернокожих помогает установить сходства и различия в нарративах.

Понятие республики в Испании и Испанской Америке до XIX в.

До начала XIX в. термин «республика» в Испанской Америке преимущественно обозначал локальное политическое сообщество. В колониальной администрации существовало деление на «республику индейцев» и «республику испанцев», которые выступали как административные категории, закреплявшие этническую сегрегацию [Levaggi, 2001, p. 423]. Классическая республика ассоциировалась с общинами, городами или поселками, которые идентифицирова-

ли себя по собственным названиям (республика ацтеков, республика майя и др.). Единое испанское политическое сообщество в связи с королем означало для конкистадоров и коренного населения принятие определенного пакта, в котором подданство рассматривалось как принятие взаимных обязательств: защита со стороны монарха в обмен на лояльность, уплату дани и признание верховной власти. В этом смысле «республика» была корпоративной, а не гражданской: она не предполагала равенства или народного суверенитета, а, скорее, сохраняла иерархию внутри подданства испанской короне.

В метрополии, особенно в XVIII в., термин приобрел более широкие коннотации – от «республики ученых», образа культурного сообщества и пространства свободной мысли (Бениито Херонимо Фейхо-и-Монтенегро) до морального общества, основанного на гражданской добродетели и общем благе (Гаспар Мельчор де Ховельянос) [Stoetzer, 1979, p. 115]. Однако даже в этих случаях республика не противопоставлялась монархии: например, в пятом томе «Словаря испанского языка», изданного Королевской академией в 1737 г., монархия, наряду с аристократией и демократией, считалась одной из форм республики (*Diccionario de la lengua Española*).

Таким образом, к началу войны за независимость термин «республика» имел разные значения и был далек от современных интерпретаций. Понятие претерпело трансформацию в 1810-е гг., когда революционеры начали его использовать как антоним колониального подданства и как проект единого политического сообщества, основанного на суверенитете народа.

Идея социального равенства в раннем мексиканском республиканизме

Во время войны за независимость (1810–1824) мексиканские революционеры столкнулись с необходимостью не только свергнуть колониальную власть, но и переопределить основания политического сообщества. В колониальном порядке социальная иерархия была закреплена через *sistema de castas* – юридическую и культурную систему, разделявшую население по расовому и сословному признаку. Республиканская идеология, возникшая в этом контексте, стала инструментом семантического разрушения иерархии: переосмысление таких понятий, как «гражданин» и «нация», конструировали новую политическую идентичность, в которой социальное равенство выступало не как моральный идеал, а как условие легитимности власти.

В сентябре 1810 г. Мигель Идальго с группой повстанцев выступил с призывами к независимости. На пике восстания в движении участвовало 60 % представителей коренных народов, большинство из которых были выходцами из крестьян и ремесленников [Van Young, 2022, p. 33]. Это отличало мексиканское движение от других революций в Испанской Америке, возглавляемых «элитой» общества – креолами. Хотя изначальные лозунги Идальго сохраняли лояльность Фердинанду VII («Да здравствует Фердинанд VII! Да здравствует Америка и смерть плохому правительству!»), его риторика эволюционировала в сторону народного суверенитета, как только движение стало набирать популярность.

6 декабря 1810 г. Мигель Идальго издал указ об отмене рабства. По сведениям испанской переписи населения за 1810 г., чернокожие составляли около 10,2 % от общего числа в регионе [Vincent, 1994, p. 258]. В указе термин «республика» появляется в новом значении: «В соответствии с недавним планом нового правительства они [бывшие рабы] могут получать собственность как свободные люди таким же образом, как и другие классы республики» (Davis, 1987, p. 129). Помимо отмены рабства, Идальго предлагал отменить подушную подать, вернуть земли индейским общинам, ввести ряд экономических свобод [Либерализм и консерватизм..., 2018, с. 143–144]. Здесь ключевой момент – это не отмена рабства как таковая, а включение бывших рабов в категорию «классов республики». Это означает, что республика больше не является привилегией белых или креолов, а становится новым политическим порядком и формирует риторическую норму, в которой различия по происхождению уступают место гражданскому статусу. Такой дискурсивный поворот одновременно делегитимировал колониальный порядок и предлагал альтернативную модель общества, основанную на равенстве перед законом и правом собственности.

Эту линию продолжил Хосе Мария Морелос (1765–1815), чье происхождение (африканские и индейские корни) само по себе символизировало разрушение кастовой логики. В программном документе «Чувства нации» (1813) он не только провозгласил независимость Амери-

ки, но и стер юридическое различие между «испанцами» и «американцами», заменяя его новой гражданской категорией – «американец» (Davis, 1987, p. 144). При этом Морелос обращается к доколумбовому прошлому: он представляет революцию как «восстановление власти коренных народов» и увековечивает память тлатоани⁴ Анауака⁵ [Chang, 2023, p. 721]. «Чувства нации» продемонстрировали важную связь между революцией и разрушением испанскими конкистадорами ацтекского города-государства Теночтитлана, на месте которого был построен современный г. Мехико. Эта языковая парадигма – легитимация через доколониальную историю – позволила ему обосновать движение за независимость как восстановление исконного порядка, нарушенного испанским завоеванием.

Интересно, что в текстах того же периода термин «республика» еще не устоялся. В декрете Морелоса от 5 октября 1813 г. и в газете «Коррео американо дель сур» он употребляется во множественном числе: «уроженцы, образующие народы и республики» (Derechos del Pueblo Mexicano..., 2016, p. 187) и «республики, входящие в границы Сьюдад-Реал» (Correo Americano del Sur, 1813, p. 135). Это свидетельствует о переходном характере понятия: республика еще мыслится как локальное сообщество, но уже находится в процессе перехода к новой форме политической организации.

К 1820-м гг. идея равенства рассматривается и в литературных источниках. В «Договоре об ассоциации для республики Соединенных Штатов Анауака» (1822) Франсиско Северо Мальдонадо (1775–1832) связывает республику с демократией, в которой все сословия и все таланты участвуют в общественном процветании (Derechos del Pueblo Mexicano..., 2016, p. 372–393) [Щелчков, 2015, с. 37]. Еще ярче эта идея выражена у Хосе Хоакина Фернандеса де Лисарди (1776–1827) в «Беседах простолюдина и ризничего» (Conversaciones del Payo y el Sacristán) (1824): «Все люди, которые каким-либо образом полезны Республике, независимо от их национальности, являются ее гражданами» (Gaytán, 2017, с. 200). Простолюдин и ризничий приходят к согласию относительно республиканского устройства, но отмечают, что любое правительство имеет риск стать деспотическим, поэтому республика должна быть представительной, федеративной и народной. Здесь равенство приобретает добродетельную характеристику: гражданин определяется не происхождением, а вкладом в общее благо. Это знаменует сдвиг от радикального эгалитаризма Идадьго к республиканскому меритократизму, где добродетель и польза становятся критериями гражданства.

Уже на первом этапе революции были предприняты попытки реализовать эти идеи на практике. В формировании мексиканского конституционализма большую роль сыграли Кадисские кортесы, которые собирались с сентября 1810 г. В первом заседании кортесов приняли участие 104 депутата, включая 7 из Новой Испании. Конституция 1812 г. стала кульминацией заседаний, установив ряд принципов: провозглашение национального суверенитета; ограничение полномочий короля при сохранении конституционной монархии; разделение властей; предоставление полного гражданства коренным американцам; усиление местных и провинциальных властных институтов (Constitución política de la monarquía española...). Радикальным шагом стало предоставление избирательных прав всем совершеннолетним мужчинам испанского и индейского происхождения.

Апацинганская конституция 1814 г., принятая Конгрессом Анауака (заседавшим ранее в Чильпансинго), стала первым конституционным проектом независимой Мексики и не упоминала фигуру монарха. Республиканский характер носили главы, относящиеся к форме правления. Власть была поделена на три ветви и представлялась Верховным мексиканским конгрессом (законодательная), Верховным правительством (исполнительная) и Верховным судом (судебная) (El Congreso de Anáhuac, 1963, p. 13). В отличие от Кадисской конституции, которая, несмотря на провозглашение национального суверенитета, сохраняла лояльность монархии и иерархию между «американцами» и «европейцами», Апацинганская конституция отменяла юридически закреплённые расовые различия (Documentos constitucionales..., 2009, p. 19–41). Термин «американец» закрепился как новая гражданская идентичность. Этот жест имел не только юридическое, но и семиотическое значение: он знаменовал переход от колониального

понимания общества к представлению о нации как едином политическом сообществе, основанном на равенстве.

Однако идея о равенстве сочеталась с элитарными представлениями о добродетели. Так, право быть избранным в Верховный конгресс получали только граждане «с хорошей репутацией» и «заслугами перед государством». Как отмечает Хавьер Серрано, «хорошая репутация» включала такие качества, как честность, порядочность, гуманизм, лояльность, благоразумие и щедрость – добродетели, заимствованные из классической республиканской традиции [Serrano, 2014, p. 33–41]. Это свидетельствует о напряжении внутри самого республиканского дискурса: с одной стороны, радикальное равенство, с другой – страх перед демагогией и анархией, характерный для просвещенных революционеров.

Примечательно, что Конституция не отменяла частную собственность, а, напротив, защищала ее (ст. 35). Это позволяло креольской элите сохранить экономическое господство, несмотря на политическое равенство. Таким образом, Апацинганская конституция представляла собой компромиссный текст, в котором идея социального равенства была ограничена рамками либеральной собственности и республиканской добродетели.

Несмотря на то, что документ так и не вступил в силу (Морелос был казнен в конце 1815 г.), он оказал серьезное влияние на политический язык революционеров: его формулы – «американец», «равенство перед законом», «народный суверенитет» – возвращались в документах 1820-х гг. как идеологический и нормативный ориентир для будущей республики. В этом смысле Апацинганская конституция важна не столько как юридический акт, сколько как манифест, зафиксировавший момент, когда мексиканский республиканизм впервые обретал свои черты.

Кризис монархической власти и дискурс о народном суверенитете

Вопрос о носителе политической власти стал центральным в мексиканском революционном дискурсе. Однако повстанцы не просто заимствовали идею народного суверенитета из европейского Просвещения, они вписывали ее в локальный интеллектуальный контекст, опираясь на испано-схоластическую традицию. Многие лидеры движения, включая Идальго и Морелоса, получили образование в иезуитских коллегиях и были знакомы с трудами представителей Саламанкской школы⁶ – Франсиско де Витории (1486–1546), Франсиско Суареса (1548–1617) и др. Они оправдывали свои действия доктриной народного суверенитета, согласно которой народ является единственным законным источником суверенитета [Stoetzer, 1979, p. 193]. Эта доктрина, изначально используемая для обоснования прав коренных народов в Америке, в начале XIX в. была радикально переосмыслена как основание для антиколониального восстания.

Особенно ярко эту трансформацию выразил священник и политик Хосе Сервандо Тереса де Мьер (1765–1827) в «Истории революции в Новой Испании» (1813): «Если мы бы повиновались королям, поскольку их сила исходит от Бога, мы бы подчинялись таким тиранам, как Наполеон, но Бог не может лишать людей свободы и счастья» (Mier, 1978, p. XLII). Он подчеркнул, что воля народа стоит выше воли королей (Ibid., p. XLI). Здесь Мьер не отвергает божественное происхождение власти вообще, но делает его зависимым от моральной стороны правления. Это позволяет ему деконструировать монархическую легитимность: король теряет божественную «санкцию», если нарушает естественные права народа. В этом смысле Мьер не отрицает традицию, а переопределяет ее условия, что было типичной дискурсивной стратегией революционеров. В «Политико-назидательной заметке» (1821) Мьер впервые разграничивает республиканскую и монархическую системы. Он отрицает возможность установления умеренной монархии, поскольку она сразу погибнет под абсолютной властью (Ibid., p. 22).

К 1820-м гг. дискуссия о суверенитете приобретает институциональное измерение. После восстановления Кадисской конституции в Испании (1820) и последующего провозглашения независимости в рамках «Плана Игуаль» (1821) мексиканское общество столкнулось с конфликтом двух моделей легитимности:

- конституционно-монархическая, предложенная Итурбиде, где суверенитет формально принадлежит нации, но власть сосредоточена в руках монарха;
- республиканская, развиваемая Мьером, Лисарди и другими, где суверенитет неотчуждаем и может быть реализован только через представительные институты.

Интересно, что даже «План Игуалы», провозгласивший конституционную монархию во главе с Фердинандом VII, уже включал республиканские элементы: три «гарантии» (религия, независимость, союз) через сохранение государственных институтов (Davis, 1987, p. 151–154). «План» стал успешной попыткой стабилизировать переход через компромисс между элитами. Однако, как показало дальнейшее развитие, компромисс оказался хрупким: провозглашение Итурбиде императором Агустином I в июле 1822 г. было воспринято как узурпация народного суверенитета, что вызвало широкую оппозицию [Tutino, 2009, p. 63–69]. Генерал Антонио Лопес де Санта-Анна (1794–1876) обвинил Итурбиде в присвоении власти и выступил с двумя планами («План Веракруса» от 2 декабря 1822 г. и «План де Каса Мата» от 1 февраля 1823 г.), требуя созыва нового Конгресса (Davis, 1987, p. 164–170). 19 марта 1823 г. Итурбиде был вынужден отречься от престола и покинуть страну.

В результате в периодической печати монархия все чаще стала ассоциироваться с деспотизмом. Лисарди в газете «Эль пенсатор мехикано» (1822) прямо утверждает, что «абсолютная монархия приравняла королей и деспотов и привела мексиканцев к варварскому невежеству» (Lizardi, 1822). Здесь важно не столько содержание обвинения, сколько формулировка: монархия больше не рассматривается как форма правления, а как исторический режим притеснения, «три века угнетения». Надо подчеркнуть, что выражение про три века стало «идиомой» для революционеров – устойчивым оборотом, релевантным для политической риторики [Атнашев, Велижев, 2015, с. 22]. Такой нарратив позволяет легитимировать республику не как эксперимент, а как восстановление справедливости.

Кульминацией этого дискурса стала Конституция 1824 г., которая не просто устанавливала республику, но и фиксировала победу нового понимания суверенитета: Мексика провозглашала полную независимость и принимала форму «федеративной народной представительной республики» (19 штатов и 3 территории) (Documentos constitucionales..., 2009, p. 125–147). Слово «народная» показательное: оно отличает мексиканскую республику от монархической модели, где народ – подданный, и от элитарной олигархии, где суверенитет принадлежит узкому кругу людей. Эта формулировка учредила новый политический порядок, в котором народ не только источник власти, но и активный субъект конституирования.

Таким образом, кризис монархической власти в Мексике был не только политическим переворотом, он стал моментом семантического разрыва, когда старые понятия (монарх, подданство, божественная воля) утратили легитимность, а новые (народ, суверенитет, республика) обрели нормативную силу. Революционеры не просто «боролись за власть» – они боролись за язык, в котором эта власть могла быть оправдана.

Понятие гражданской добродетели

В мексиканском республиканском дискурсе первой трети XIX в. понятие гражданской добродетели (*virtud cívica*) выполняло не просто моральную, а нормативно-политическую функцию: оно служило критерием легитимности самого республиканского проекта. В отличие от либеральной модели, где основание государства – права индивида, мексиканский республиканизм, особенно в его ранней фазе, настаивал на том, что республика возможна только при наличии добродетельных граждан. Эта идея, восходящая к античной и ренессансной традиции, была интерпретирована через католическую этику [Santillán Salgado, 2024, p. 41–46].

За моральным требованием скрывались дискурсивная стратегия легитимации и определенные ограничения. Священник Луис де Мендисабаль (1776–1834) в «Катехизисе независимости» (1821) писал о том, что переход к республике в обществе, «привыкшем к рабству», невозможен без предварительного формирования «истинной патриотической любви» и «республиканских добродетелей» (Lato Monte, 1821, p. 36–37). На первый взгляд, это выглядит как консервативная позиция, но в контексте 1821 г. – периода неопределенности между монархией Итурбиде и республиканской альтернативой – такой аргумент позволял отложить радикальные преобразования, не отвергая их в принципе. Добродетель здесь становится условием «отсрочки», но не отказа от республики.

Более радикальную трактовку предлагает анонимный автор в газете «Эль соль» (27 апреля 1822 г.). В эссе о правительстве он проводит типологию политических режимов, в которой добродетель выступает как единственный сдерживающий фактор превращения республики в анархию (El Sol, 1822). Добродетель противостоит таким чувствам, как гордыня, жадность и стремление занять высокую должность (“el orgullo, la avaricia, la sed de puestos”) (Ibid.). Анархия представляется не как результат отсутствия власти, а как отсутствие морального самоконтроля у граждан, которое ведет к разрушению общественного порядка.

Примечательно, что в той же газете, уже в апреле 1823 г., после свержения Итурбиде, редакция заявляет: мексиканская нация не обладала гражданскими добродетелями – любовью и уважением к законно учрежденным властям – в период империи, но после свержения Итурбиде их приобретение стало возможным (El Sol, 1823). Это свидетельствует о динамическом характере дискурса: добродетель не дана раз и навсегда, а конструируется в процессе политической борьбы. Свержение тирана становится не только актом освобождения, но и переходом от пассивного подданства к активному гражданству.

Эту линию развивает и «План фундаментальных основ для создания Федеративной Республики в Анауаке» (май – июнь 1823 г.), приписываемый гражданину Эстебану Остину. Автор признает героизм народа в борьбе с деспотизмом, но задает риторический вопрос: хватит ли ему добродетелей, чтобы восстановить священные и неотъемлемые права народа и установить федерацию, как в США (Derechos del Pueblo Mexicano..., 2016, p. 351)? В этом документе США представляются как эталон гражданской зрелости, которой Мексике еще предстоит достичь. При этом Остин подчеркивает, что только разделение властей может уберечь страну от анархии. Это показывает переплетение морального и институционального дискурсов.

Важно, что добродетель в этом контексте не противопоставляется правам, а дополняет их. В отличие от индивидуального европейского либерализма, мексиканский республиканизм доказывает, что свобода возможна только в рамках коллективной ответственности. Именно поэтому в Апацинганской конституции (1814) и Конституции 1824 г. требования к депутатам включают не только возраст и образование, но и «хорошую репутацию», т.е. публично признанную добродетель [Serrano, 2014, p. 35].

Таким образом, гражданские добродетели в мексиканском республиканизме – это не просто этический идеал, а дискурсивный механизм, с помощью которого революционеры обосновывали необходимость республики, критиковали монархию и регулировали границы политического участия граждан. Этот дискурс отражал напряжение постколониального общества: стремление к радикальному равенству сталкивалось с опасением социального хаоса. Добродетель становилась линзой, через которую революционеры пытались примирить эти противоречия.

Заключение

Республиканская идеология в Мексике первой трети XIX в. не была заимствованной доктриной или статичной моделью, она возникла как динамическая дискурсивная практика, сформированная в ходе войны за независимости (1810–1824). Через анализ ключевых текстов – от указов Идальго и «Чувств нации» Морелоса до публицистики Лисарди и конституционных проектов – становится очевидно, что революционеры не просто «принимали» республику, а активно конструировали ее смысл, вписывая в локальный интеллектуальный и культурный контексты. Она формировалась на основе колониального правового наследия, где концепция республики представлялась как преобразование отношений подданства в гражданство.

Центральным элементом этого дискурса стало переопределение политического сообщества. Термин «республика», ранее обозначавший этнически разделенные административные единицы («республика индейцев», «республика испанцев»), был трансформирован в символ единого национального суверенитета, в котором расовые и сословные границы объявлялись несовместимыми с самой природой республики.

Кризис монархической легитимности в Испании стал катализатором для утверждения идеи народного суверенитета, обоснованной как рационально, так и теологически: народ как источник власти стоит выше воли королей. Провал монархического эксперимента Итурбиде

лишь подтвердил, что в постколониальной Мексике суверенитет больше не может быть персонифицирован, он должен быть институционализирован через представительные органы и разделение властей.

Наконец, идея гражданской добродетели служила не просто этическим идеалом, а языковым механизмом регуляции политического участия. Этот дискурс отражал глубокое напряжение между радикальным эгалитаризмом и стремлением к стабильности – напряжение, характерное для всей постколониальной Латинской Америки.

Мексиканский республиканизм представлял собой не заранее заданную европейскую модель, а открытое дискурсивное пространство, в котором акторы действовали с учетом колониальной и католической традиции, социального многообразия. Такие фигуры, как Идальго, Морелос, Мьер, Лисарди, относились к языковому сообществу, поскольку не просто использовали республиканскую риторику, а вели политическую борьбу через язык и придание новым и старым терминам смыслов, соответствующих конкретным историческим задачам. Дискуссии о значении республиканизма возобновятся уже в 1860-е гг., когда будет установлена Вторая Мексиканская империя во главе с Максимилианом I (1864–1867).

Примечания

¹ Новая Испания – вице-королевство, в состав которого входили современные Мексика, государства Центральной Америки и юго-западные штаты США.

² Креолы – потомки европейцев, родившиеся и выросшие в Америке.

³ Понятие «парадигма» Покока появилось под влиянием труда Томаса Куна «Структура научных революций» (1962), в котором Кун ввел термин «смена парадигмы» для обозначения преобразований системы знаний в определенном научном сообществе. Покок переориентировал это понятие на принятые нормы и способы мышления в политическом сообществе.

⁴ Титул правителя городов-государств у ацтеков и ряда других древних народов на территории современной Мексики.

⁵ Анауак – это прародина народов наутлака, которые мигрировали в центральный бассейн Мексики в XIV в. Термин приобрел политическое значение в XV в., когда лидеры организовали паниндейские коалиции для сопротивления господству ацтеков. Понятие было обновлено в XIX в. для мобилизации народного восстания против колониального правления.

⁶ Саламанкская школа – это направление поздней схоластики XVI–XVII вв., возникшее в Университете Саламанки, которое стремилось переосмыслить традиционные христианские учения Фомы Аквинского в контексте новых социально-политических и экономических вызовов эпохи.

Список источников

Constitución política de la monarquía española. Promulgada en Cádiz a 19 de marzo de 1812 // Congreso de los Diputados. Available at: https://www.congreso.es/constitucion/ficheros/historicas/cons_1812.pdf (accessed: 12.04.2025).

Correo Americano del Sur. T. I. México: En la imprenta de la Nación, 1813. 322 p.

Davis T. The Political Plans of Mexico. Lanham (Md.): University Press of America, 1987. 687 p.

Derechos del Pueblo Mexicano. México a través de sus Constituciones. México: Miguel Ángel Porrúa, 2016. 1030 p.

Diccionario de la lengua española // Real Academia Española. Available at: <https://apps2.rae.es/DA.html> (accessed: 15.05.2025).

Documentos constitucionales de México 1814–1849 / ed. by Horst Dippel. Vol. 9. P. 1. Berlin, Boston: De Gruyter, 2009. 386 p.

El Congreso de Anáhuac, 1813 / compilación por L. Flamand, D. Bazan. México: Cámara de Senadores, 1963. 440 p.

El Sol // East View. 1822. No. 42 (February 27). Available at: <https://gpa.eastview.com/crl/irmn/?a=d&d=esol18220427-01.1.1&e=-----es-25-esol-1--img-txIN-+El+sol-----> (accessed: 14.06.2025).

El Sol // East View. 1823. April 2. Available at: <https://gpa.eastview.com/crl/irmn/?a=d&d=esol18230402-01.1.2&e=-----es-25-esol-1--img-txIN-+El+sol-----> (accessed: 15.06.2025).

Gaytán C. “Conversaciones del Payo y el Sacristán” (un periódico de José Joaquín Fernández de Lizardi). México: Las dos orillas: actas del XV Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas, 2017. P. 197–208.

Lato Monte L. (seudónimo de Luis de Mendizábal). *Catecismo de la Independencia*. México: Imprenta de Mariano Ontiveros, 1821. 71 p.

Lizardi J. *El Amigo de la paz y de la patria*. 1822. Available at: <https://www.iifilologicas.unam.mx/obralizardi/index.php?page=obras-iii-periodicos-el-pensador-mexicano> (accessed: 20.04.2025).

Mier J. *Ideario político*. T. 43. Caracas: Biblioteca Ayacucho, 1978. 443 p.

Библиографический список

Атнашев Т., Велижев М. “Context is king”: Джон Покок – историк политических языков // Новое литературное обозрение. 2015. № 134. С. 21–44.

Либерализм и консерватизм в латиноамериканской истории / под ред. Е.А. Ларина, А.А. Щелчкова, В.П. Казакова. М.: Наука, 2018. 760 с.

Поккок Д. Момент Макиавелли. Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция / пер. с англ. Т.А. Пирусской. М.: НЛО, 2020. 888 с.

Щелчков А.А. Социальная утопия в Латинской Америке в XIX веке. М.: Аквилон, 2015. 464 с.

Aguilar J., Rojas R. *El republicanismo en Hispanoamérica: ensayos de historia intelectual y política*. México: Fondo de cultura económica, 2002. 446 p.

Chang A. Restoring Anáhuac: Indigenous Genealogies and Hemispheric Republicanism in Postcolonial Mexico // *American Journal of Political Science*. 2023. Vol. 67, no. 3. P. 718–731. DOI: 10.1111/ajps.12660.

Chust M., Frasquet I. Orígenes federales del republicanismo en México, 1810–1824 // *Mexican Studies/Estudios Mexicanos*. 2008. Vol. 24, no. 2. P. 363–398. DOI: 10.1525/msem.2008.24.2.363.

Levaggi A. República de indios y República de españoles en los reinos de indias // *Valparaíso*. 2001. No. 23. P. 419–428. DOI: 10.4067/s0716-54552001002300009.

Santillán Salgado G. El republicanismo católico en la oratoria cívica. México: 1824–1853 // *Revista de Historia de América*. 2024. No. 167. P. 37–73.

Serrano J. *Ética del Ministerio público virtudes ministeriales*. México: UNAM, 2014. 95 p.

Stoetzer C. *The Scholastic Roots of Spanish American Revolution*. New York: Fordham University Press, 1979. 312 p.

Tutino J. Soberanía quebrada, insurgencias populares, y la independencia de México: la guerra de independencias, 1808–1821 // *Historia mexicana*. 2009. Vol. 59, no. 1. P. 11–75.

Van Young E. *Stormy Passage: Mexico from Colony to Republic, 1750–1850*. New York: Rowman & Littlefield, 2022. 358 p. DOI: 10.5771/9781442209039.

Vincent T. The Blacks Who Freed Mexico // *The Journal of Negro History*. 1994. Vol. 79, no. 3. P. 257–276. DOI: 10.2307/2717506.

Дата поступления рукописи в редакцию 30.01.2026

REPUBLICAN IDEOLOGY OF THE MEXICAN STATE IN THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY

K. A. Turenko

National Research University Higher School of Economics, Staraya Basmannaya st., 21/4, Moscow, 105066, Russia
ka.saakova@hse.ru
SPIN code: 5083-0786

Republican ideology in Mexico in the first third of the 19th century is an important and insufficiently studied aspect of the formation of national identity and political culture in the postcolonial period. The present study is based on the methodology of the Cambridge School of Intellectual History and interprets republicanism as a dynamic discursive practice that developed during the War of Independence (1810–1824). The purpose of the article is to reconstruct the formation of the republican ideology of the Mexican revolutionaries. The research is focused on texts of personal origin, periodicals, program documents and constitutional acts related to the activities of key ideologists of the Mexican movement. It is shown that Mexican republicanism was a combination of ideas of social equality (abolition of slavery, caste system and recognition of the rights of indigenous peoples), popular sovereignty, separation of powers, representation, Catholicism, and civic virtues. Republicanism was perceived as a means of liberation from colonial rule, the elimination of class and racial hierarchies, as well as a moral ideal requiring the participation of citizens in public life.

Key words: Mexico, the War of independence, republicanism, popular sovereignty, social equality, civic virtue.

References

- Aguilar, J., & Rojas, R. (2002). *El republicanismo en Hispanoamérica: ensayos de historia intelectual y política*. Fondo de cultura económica.
- Atnashev, T., & Velizhev, M. (2015). "Context is king": John Pocock, historian of political languages. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 134, 21–44.
- Chang, A. (2023). Restoring Anáhuac: Indigenous genealogies and hemispheric republicanism in postcolonial Mexico. *American Journal of Political Science*, 67(3), 718–731. <https://doi.org/10.1111/ajps.12660>
- Chust, M., & Frasset, I. (2008). Orígenes federales del republicanismo en México, 1810–1824. *Mexican Studies/Estudios Mexicanos*, 24(2), 363–398. <https://doi.org/10.1525/msem.2008.24.2.363>
- Larin, E. A., Shchelchikov, A. A., & Kazakov, V. P. (Eds.). (2018). *Liberalism and conservatism in Latin American history*. Nauka.
- Levaggi, A. (2001). República de indios y República de españoles en los reinos de indias. *Valparaíso*, 23, 419–428. <https://doi.org/10.4067/s0716-54552001002300009>
- Pocock, J. G. A. (2020). *The Machiavellian Moment: Florentine political thought and the Atlantic republican tradition*. Novoe literaturnoe obozrenie.
- Santillán Salgado, G. (2024). El republicanismo católico en la oratoria cívica. México: 1824–1853. *Revista de Historia de América*, 167, 37–73.
- Serrano, J. (2014). *Ética del Ministerio público virtudes ministeriales*. UNAM.
- Shchelchikov, A. A. (2015). *Social utopia in Latin America in the 19th century*. Akvilon.
- Stoetzer, C. (1979). *The scholastic roots of Spanish American revolution*. Fordham University Press.
- Tutino, J. (2009). Soberanía quebrada, insurgencias populares, y la independencia de México: la guerra de independencias, 1808–1821. *Historia mexicana*, 59(1), 11–75.
- Van Young, E. (2022). *Stormy passage: Mexico from colony to republic, 1750–1850*. Rowman & Littlefield. <https://doi.org/10.5771/9781442209039>
- Vincent, T. (1994). The Blacks who freed Mexico. *The Journal of Negro History*, 79(3), 257–276. <https://doi.org/10.2307/2717506>